

Сергей Кан

**«Мой друг в тупике эмпиризма и скепсиса»:
Владимир Богораз, Франц Боас и политический
контекст советской этнологии в конце
1920-х — начале 1930-х гг.¹**

Пролог

В 1933 г. журнал «Советская этнография» опубликовал перевод вышедшей незадолго до того статьи Франца Боаса «Задачи антропологического исследования». Комментарий, сопровождавший публикацию, содержал следующее утверждение: «Эмпирическая школа этнографии, возглавляемая Боасом и другими американскими учеными, с одной стороны, заявляет себя аполитичной <...>, а с другой стороны, она хотела бы скорее сохранить свой либерализм. Но вся она попала в тупик и запуталась в своих противоречиях. Эти противоречия вытекают из классовых противоречий, хотя Боас и его друзья не упоминают самого слова

Сергей Кан

(Sergei Kan)

Дартмутский колледж, Гановер,
США

¹ Архивные исследования, на которых основана данная статья, были проведены при поддержке следующих фондов: National Endowment for the Humanities, International Research and Exchanges Board и Фонда Клэр Гарбер Гудман кафедры антропологии Дартмутского колледжа. Автор хотел бы выразить глубокую благодарность не только им, но и своему коллеге Игорю Крупнику за его вдумчивые и очень полезные критические высказывания по поводу нескольких вариантов этой статьи, Аркадию Блюмбауму за перевод статьи на русский язык и Алле Кан за помощь с ее редактированием. Статья посвящается памяти моего коллеги и товарища, Михаила Файнштейна (1948–2003), без помощи и ценных советов которого мои изыскания в архиве Петербургского филиала Российской академии наук наверняка были бы гораздо менее продуктивными.

„классы“. В лучшем случае эмпирическо-скептическая школа является вроде *quantité négligeable*, чем-то почти невесомым в той ожесточенной классовой борьбе, которая ныне разгорается с небывалой яркостью во всех отраслях общественной жизни, начиная с баррикадного боя и кончая полемикой на страницах спокойных и толстых ученых „трехмесячников“» [Богораз 1933: 193]. Парадоксально, что автором этого критического замечания был не кто-либо из твердокаменных советских марксистов, а Владимир Богораз — старый коллега и близкий друг Боаса.

На самом деле в своих комментариях Богораз изо всех сил пытался хоть до некоторой степени найти в статье Боаса идеи, ставшие к тому времени доминирующими в советской антропологии. Более того, в редакционной врезке, написанной скорее всего Николаем Маториным, директором созданного незадолго до того Института антропологии и этнографии, членом ВКП(б) с 1919 г. и убежденным (хотя и относительно умеренным) марксистом, Боас именовался «уважаемым другом Советского Союза, знаменитым американским антропологом», а также «мужественным противником империалистической войны»¹. И тем не менее Маторин предупреждал Боаса, что тот следует по «опасному пути, на котором он находится, вероятно, помимо своей воли». Далее говорилось о том, что «сокровища фактических данных», собранные американскими антропологами, требуют радикально иного анализа, например, того, который отстаивали Морган и Энгельс. И Маторин, и Богораз сходились в том, что Боас и его последователи застряли в «тупике эмпиризма и скепсиса» [Аноним 1933: 176].

Из переписки Богораз с Боасом мы знаем, что первый стремился опубликовать статью своего американского коллеги, которую считал весьма важной [Bogoraz to Boas, March 3, 1933; APS]². Для того чтобы сделать это, ему пришлось сопроводить эту статью своей довольно жесткой критикой. Предал ли Богораз в этом случае своего старого друга, научные взгляды которого оказали сильное воздействие на его собственные работы? Чтобы ответить на этот вопрос, я анализирую в этой статье историю взаимоотношений этих двух людей в политическом контексте советской антропологии, в особенности в сложную и трагическую эпоху конца 1920-х — начала 1930-х гг.

¹ О Маторине см.: [Reshetov 1991; Решетов 1994; 2003].

² См. полные названия архивных собраний, материалы которых использованы в данной статье, в списке цитируемой литературы.

Дружба и научное сотрудничество до 1917 г.

История сотрудничества Франца Боаса с Владимиром Богоразом, Владимиром Иохельсоном и Львом Штернбергом описана довольно подробно [Krupnik 1996; Kan 2000; 2001; Cole 2001; Vakhtin 2001; Вахтин 2004; Krupnik, Vakhtin 2003], поэтому здесь я коснусь ее лишь вкратце. Арестованный за участие в радикальном народническом движении в 1886 г., Богораз провел полтора года в одиночном заключении, а затем был приговорен к десяти годам ссылки в Колымский край Восточной Сибири¹. Подобно другим ссыльным народникам, к числу которых принадлежали Иохельсон и Штернберг, он начал собирать материалы по фольклору и культуре местного русского населения и аборигенов (прежде всего чукчей). Кроме того, он начал писать беллетристику, посвященную жизни ссыльных и местного населения. Вместо своей фамилии Богораз пользовался псевдонимом «Тан». Позднее он использовал двойную фамилию «Тан-Богораз». Как указывает Е.А. Михайлова [Михайлова 2004: 95], «своему двойному имени В.Г. Богораз придавал особое значение, рассматривая его как отражение разных сторон своей деятельности, а в более широком смысле — как двух своих ипостасей, различных интересов и устремлений».

После появления первых этнографических публикаций в «Вестнике Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества» Богораз стал признанным экспертом по чукотской культуре и языку. В 1898 г., благодаря ходатайству нескольких видных членов Академии наук, среди которых был В.В. Радлов, возглавлявший Музей антропологии и этнографии, Богораз смог получить разрешение на проживание в Петербурге с тем, чтобы продолжать работу над своим большим собранием этнографических и лингвистических материалов. Его научные публикации 1898–1901 гг. были хорошо приняты русскими этнологами и лингвистами. Помимо этого бывший ссыльный продолжал свою литературную и политическую деятельность, публикуя статьи в периодических изданиях левой ориентации и выступая на собраниях либеральной интеллигенции, проходивших легально, но под внимательным оком полиции.

В 1899 г., планируя международную Джезуповскую Тихоокеанскую экспедицию, Боас пригласил Богоразу и Иохельсону стать ее участниками — провести исследования и собрать

¹ Все русскоязычные работы о жизни и деятельности Богоразу появились до 1991 г. и поэтому несут на себе отпечаток советской идеологии. Единственным исключением является недавняя очень содержательная и интересная статья Е.А. Михайловой [2004]. Основные англоязычные работы о Богоразе принадлежат перу Игоря Крупника [1996; 1998].

музейные коллекции в Восточной Сибири. В качестве подготовки к полевым исследованиям Боас предложил русским этнографам прочитать антропологические работы, посвященные культурам американской стороны Берингова пролива, включая его собственные. Богораз прибыл в Нью-Йорк в начале 1901 г., отправился на корабле во Владивосток в мае и летом добрался до Анадыря. За время экспедиции, продолжавшейся чуть больше года, Богораз обследовал огромную территорию и собрал колоссальное количество предметов материальной культуры и этнографических данных по чукчам, сибирским эскимосам и другим этническим группам. После короткого пребывания в Петербурге он вернулся в Нью-Йорк для того, чтобы подготовить свои материалы к публикации. За эту работу, проводившуюся в Американском музее естественной истории, Богораз получал жалованье — 150 долларов в месяц. За время своего полуторалетнего пребывания в Соединенных Штатах он многое узнал от Боаса и подпал под сильное влияние боасовского исторического партикуляризма, продолжая при этом придерживаться некоторых черт классического эволюционизма. Следует отметить, что теория никогда не была сильной стороной Богораза: его предпочтения часто менялись в зависимости от того, что ему случалось прочесть в тот или иной момент.

За месяцы пребывания Богораза в США они с Боасом стали добрыми друзьями¹. Время, проведенное ими вместе, изменило взгляд Боаса на этого русского этнографа к лучшему: по его собственным словам, «Богораз оказался очень приятным человеком» (цит. по: [Cole 2001: 41]). Как и прежде, Богораз сочетал научные занятия с многочисленными поездками по Соединенным Штатам и Канаде, а также с работой над литературными и политическими сочинениями. Он с нетерпением ждал возвращения в Россию, где назревала революция. Когда Боасу не удалось получить для Богораза грант от Фонда Карнеги, он сократил зарплату коллеги до 150 долларов за каждую главу рукописи. По этой и ряду других причин Богораз уехал из США в Европу в конце 1903 г., не закончив работу над своими чукотскими и эскимосскими материалами. Большую часть 1904 г. он провел за границей. Летом того же года Богораз принял участие в XIV Международном конгрессе американистов в Штутгарте, представив доклад о религии чукчей [Vogoraz 1906]. Благодаря приглашению Боаса входившие в русскую «этнотройку» ученые стали членами международного сообщества американистов и регулярными участниками его съездов².

¹ Оба они провели большую часть лета 1903 г. в загородном доме Боаса на озере Джордж.

² «Этнотройка» или «этнотрио» — термин, изобретенный Богоразом для обозначения себя, Иохельсона и Штернберга [Богораз 1934: XIII].

По возвращении в российскую столицу Богораз с головой ушел в радикальную журналистику и политическую деятельность левой ориентации. Во время первой русской революции (1905—1907) он принимает активное участие в организации Первого Всероссийского крестьянского съезда и Трудовой группы делегатов первой Государственной думы; осенью 1905 г. становится членом Московского центрального стачечного комитета, сыгравшего значительную роль в революционном восстании в городе. В 1906 г. Богораз вошел в организационный комитет умеренной партии народных социалистов, состоявшей главным образом из представителей интеллигенции.

Боас с большим интересом следил за новостями о волнениях в России. Симпатизируя революционерам, он был обеспокоен судьбой русских коллег, в особенности эмоционального Богораза. Более того, его волновало, что члены «этнотройки» могут забросить работу над рукописями Джезуповской экспедиции¹. Опасения Боаса оказались оправданными, когда 4 декабря 1905 г. он получил телеграмму, информировавшую его о недавнем аресте Богораза — за участие в съезде Крестьянского союза. Боас немедленно написал Радлову, прося его способствовать освобождению Богораза. Кроме того, он послал письмо американскому послу в России с просьбой позаботиться о судьбе полевых записей и рукописей Богораза, относящихся к Джезуповской экспедиции [AMNH Boas to Shternberg, January 22, 1905]. По счастью, вскоре Богораз был отпущен на поруки, и к началу 1906 г. он благополучно продолжил свою научную работу в Финляндии [AMNH Bogoraz to Boas, January 23, 1906].

Однако его революционное рвение не утихало. Как он писал Боасу в апреле 1906 г., «эпоха, подобная этой, случается в каждой стране и с каждой нацией лишь один раз в течение многих столетий, и (в данный момент) мы чувствуем, что нас несет поток вопреки нашей воле» [APS Bogoraz to Boas, April 6, 1906]. Несмотря на собственную симпатию социалистическим идеям, Боас был убежден, что наука — прежде всего. В письме от 22 апреля 1906 г. он наставлял Богораза: «Если события вроде нынешних случаются только раз в столетие, исследование господина Богораза о чукчах случается только раз в вечность, и я думаю, что Вашей обязанностью перед наукой является предоставить нам результаты Ваших исследований» [APS]. Его письмо русскому коллеге от 22 августа 1906 г. написано еще более строгим тоном: «Ситуация в Вашей стране, по-видимому,

¹ К 1905 г. Боас привлек Штернберга к написанию работы по этнографии коренных жителей Амура и Сахалина.

очень печальна, и у меня такое впечатление, что то, что происходит сейчас, должно быть неприятно Вам, так что я надеюсь на то, что Вы сможете найти убежище от нынешних проблем в Вашей научной работе. Я отвечаю за публикацию научных результатов Ваших исследований и полагаюсь на то, что Вы не уклонитесь от той ответственности, которая лежит на Вас. Мне хотелось бы, чтобы Вы уехали на пару месяцев за границу, чтобы заняться этой работой» [APS].

В письме Богораза от 23 ноября 1906 г. опять содержались сожаления по поводу отсутствия прогресса в работе, однако выражалось то же самое чувство: «Сейчас в моем уме и душе нет свободного места для науки» [APS]. Тем не менее колоссальный проект по чукчам был закончен, его результаты увидели свет в серии томов Джезуповской экспедиции [Bogoraz 1904–1909; 1910]. В той же серии вышла небольшая монография Богораза о сибирских эскимосах [Bogoraz 1913]. Кроме того, в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, он написал большое количество литературных произведений, так что собрание его беллетристики, опубликованное в 1911 г., составило десять томов.

Неприятности Богораза с властями не закончились с поражением первой русской революции. Между 1905 и 1917 гг. он почти двадцать раз становился объектом административных и судебных преследований [Тан-Богораз 1989: 238]. Наиболее тяжелым испытанием стал арест конца 1910 — начала 1911 г., когда Богораз вынужден был провести несколько месяцев в одиночном заключении. В результате у него открылась серьезная болезнь печени и началась депрессия. И снова американский коллега и друг пришел на помощь, обратившись лично к министру юстиции Щегловитову с просьбой о помиловании и организовав прошение от имени Американской антропологической ассоциации, в котором содержалась адресованная Щегловитову просьба разрешить Богоразу получить в камеру полевые записи и регулярно переписываться с издателем работ Джезуповской экспедиции [APS Boas to Shtsheglovitoff, October 12, 1910; AMNH Boas to Shtsheglovitoff, February 28, 1911]. Благодаря заступничеству Боаса и прошениям коллег Богораза из Российской академии наук срок его заключения был сокращен, он был выпущен на свободу в апреле 1911 г. [APS Bogoraz to Boas, April 6, 1911].

Первая мировая война прервала контакты Боаса с русскими коллегами. Публикация академических работ оказалась затрудненной, прежде всего потому, что издатель материалов Джезуповской экспедиции находился в Европе. Корякские тексты, над которыми Богораз работал в начале 1910-х гг., появились в

печати только в 1917 г., том юагаирских, ламутских (эвенских) и других народных сказок — в 1918 г., а детальное описание чукотского языка, подготовленное для боасовского «Handbook of American Indian Languages», — только в 1922 г. [Bogoraz 1917; 1918; 1922]. Более того, теперь трудности с тем, как сконцентрироваться на научной работе, уже испытывал сам Боас: страна, в которой он родился, воевала с его новым отечеством. Будучи противником вступления Америки в войну, Боас даже на время стал членом социалистической партии — поскольку она придерживалась сходной точки зрения [Stocking 1992: 102–105]. Не лишено иронии то, что его петербургские коллеги, подобно многим другим русским социалистам, превратились в это время в страстных патриотов и «оборонцев». Богораз даже ушел добровольцем в армию и в течение трех лет нес медицинскую службу на восточном фронте.

Богораз с конца 1910-х по конец 1920-х гг.

Подобно большинству других социалистов небольшевистской ориентации, Богораз выступил против большевистского переворота 1917 г. Как он писал в одной из неопубликованных редакций своей автобиографии, «в то время мы, интеллигенты, были вместе с буржуями, с правящими классами. И сколько раз мы насмеялись и кляли эту самую революцию» (цит. по: [Михайлова 2004: 115]). Вместе с другими представителями петроградской интеллигенции он испытывал огромные трудности во время Гражданской войны. Как он писал в опубликованном в 1927 г. варианте автобиографии, «[я] проделал всю обывательскую голгофу голодного времени: семью потерял, остался один как бобыль, и соответственно злобствовал» [Тан-Богораз 1989: 239]¹. Несмотря на место в Музее антропологии и этнографии, полученное благодаря Штернбергу, Богораз голодал, болел и чувствовал горечь по поводу происходящего. Его враждебность по отношению к новому режиму несомненно усиливалась благодаря репрессиям, направленным против тех народных социалистов и социалистов-революционеров, которые еще продолжали заниматься активной политической деятельностью; многие из них были его бывшими товарищами по «Народной воле». Хотя сам Богораз в советское время не подвергался аресту, его друзья Штернберг и Иохельсон ненадолго попали в заключение в 1921 г. во время Кронштадтского восстания. Годом позже был организован первый крупный показательный процесс в Москве, на котором фигурировала большая группа видных эсеров, обвинявшихся в антисоветской деятельности. Неко-

¹ Сразу же после Октябрьского переворота Богораз опубликовал несколько антибольшевистских статей.

торые из них были приговорены к смертной казни. Вместе со Штернбергом и другими ветеранами «Народной воли» Богораз подписал обращение к властям, содержавшее призыв к снисхождению по отношению к обвиняемым [Покровский 2002: 558–559; ПФ АРАН ф. 282, оп. 1, ед. хр. 102, л. 15–16].

Несмотря на свою антисоветскую позицию, подобно многим другим представителям русской интеллигенции (как эмигрировавшим, так и оставшимся в Советской России), Богораз со временем поверил — благодаря некоторым улучшениям в общественно-культурной жизни и экономической сфере в эпоху нэпа — в то, что большевистский режим переживает серьезную либерализацию. Вместе с другими учеными и представителями интеллигенции, прежде отказывавшимися идти на сближение с властями, он заявил о своем желании сотрудничать с режимом¹.

Любовь Богораза к общественной жизни и огромная энергия нашли новый выход, когда они со Штернбергом основали ленинградскую школу советской этнологии, центром которой стало этнографическое отделение Географического института [Ратнер-Штернберг 1935; Гаген-Торн 1971; Станюкович 1971]. Начиная с 1921 г. Богораз читал здесь множество курсов: «Эволюцию хозяйственных форм и техники», «Материальную культуру первобытных народов», «Культуру народов палеазиатского круга», а также «Шаманизм в социальном разрезе» [Михайлова 2004: 116]. В то время как Штернберг был интеллектуальным лидером новой школы, Богораз посвящал много времени практическим вопросам, включавшим устройство и поддержание обширной программы этнографических полевых исследований, проводившихся студентами. Он написал программу полевых исследований (опубликованную в 1928 г.) и, воспользовавшись возраставшим стремлением новой власти поставить под контроль нерусские народности России, получил солидное финансирование для данной работы.

В отличие от Штернберга, который больше интересовался такими теоретическими проблемами, как эволюция системы родства и социальной организации, и не стремился обращаться к

¹ Некоторые представители старой интеллигенции оправдывали свое сотрудничество с большевиками, выстраивая новую идеологию, ставшую известной как «сменовеховство». Сменовеховцы считали, что нэп был не просто большевистским тактическим приемом, но признаком подлинной эволюции советского режима по направлению к более демократическому и рыночному типу общества. Вдобавок многие сменовеховцы в эмиграции и в СССР были убежденными русскими патриотами и даже националистами, которые рассматривали коммунистов как строителей мощной российской державы. Богораз был одним из петроградских лидеров этой группы, объявившим в 1921 г., что теперь он «ставит на большевистскую лошадь», и вошедшим в редакцию «Новой России», петроградского журнала сменовеховского движения [Hardeman 1994: 47–48].

современной тематике, весьма интересовавшей новый режим, Богораз пытался сочетать старые исследовательские интересы с этнографическим изучением строящегося советского общества. Так, в 1920-х гг. он выступил в качестве редактора нескольких сборников (носивших такие заголовки, как «Старый и новый быт», «Революция в деревне», «Еврейское местечко в революции») этнографических очерков его студентов из Географического института [Богораз 1924; 1925б; 1926б].

Вместе со Штернбергом Богораз боролся с попытками бюрократов из Народного комиссариата высшего образования и их союзников из числа левых преподавателей и студентов Географического института политизировать его учебную программу. Как показывают мои архивные исследования, в первой половине двадцатых годов институт гораздо меньше страдал от идеологического давления властей, чем Ленинградский университет. И тем не менее к середине 1920-х гг. для студентов Географического института курсы по советской конституции и истории партии стали обязательными. Когда в 1925 г. институт был преобразован в географический факультет Ленинградского университета, количество обязательных «идеологических» курсов было увеличено за счет этнографии и других специальных дисциплин [Ратнер-Штернберг 1935: 144–145]¹.

Несмотря на эти препятствия, этнографическое отделение географического факультета оставалось одним из двух основных центров этнологического образования в стране, вторым был факультет этнографии Московского университета [Соловей 1998: 124–134]. После смерти Штернберга в 1927 г. Богораз стал деканом факультета и оставался им до закрытия отделения пятью годами позже (см. далее). Полный решимости продолжать дело Штернберга, Богораз стал инициатором кампании по созданию Этнографического исследовательского института при этнографическом отделении университета. Хотя подобный институт так никогда и не был создан, группа ведущих преподавателей и аспирантов факультета организовала в 1928 г. научное общество, устраивавшее семинары и лекции [ПФ АРАН ф. 250, оп. 3, ед. хр. 173, л. 114–116].

Несмотря на усилия Богораз, возраставшее идеологическое давление на гуманитарные и в особенности на социальные науки, начавшееся во второй половине 1920-х гг., все более политизировало атмосферу на географическом факультете. Богораз предвидел эти проблемы уже в 1927 г., когда писал Боасу, что с уходом Штернберга «мое собственное положение [в универ-

¹ Новый географический факультет состоял из двух отделений — географии и этнографии.

ситете?]) стало трудным и даже несколько неудобным» [APS Bogoraz to Boas, October 2, 1927]¹.

Согласно тому же письму, он подвергался критике не только слева — со стороны молодых марксистов, но и справа — со стороны консервативных членов Академии наук и профессоров университета, которые всегда смотрели на него как на «проклятого социалиста» [Там же]. Богораз был убежден, что именно эта оппозиция старой гвардии стала причиной неизбрания его в Академию наук, а также неизбрания Штернберга до 1924 г.² В 1927 г. у Богоразы внезапно появилась возможность прорваться через эту преграду. Полный решимости подорвать относительную независимость академии от власти и партийного контроля, режим решил устроить выборы сорока двух новых членов академии, большинство из которых являлись или коммунистами, или сочувствующими им. Для того чтобы гарантировать избрание людей, лояльных режиму, власть ввела новую систему выдвижения кандидатов: отныне любое научное сообщество, учреждение или даже частные лица могли предлагать своего кандидата. Предполагая, что его кандидатура будет выдвинута и что против него будет выступать старая академическая гвардия, Богораз обратился к Боасу с просьбой о рекомендательном письме [APS Bogoraz to Boas, May 17, 1927]³.

Богораз оказался прав: по его собственной рекомендации Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (Комитет Севера), созданию которого в 1924 г. способствовал Богораз (см. далее), выдвинул его кандидатуру в члены академии по категории «Исследование языков и культур малочисленных народов Севера». Отражая новый идеологический климат в стране, меморандум П.Г. Смиловича, возглавлявшего Комитет Севера, гласил: «Вся работа Бого-

¹ Богораз надеялся, что его старый друг и коллега Иохельсон вернется в Россию и займет место Штернберга. Иохельсон действительно всерьез рассматривал подобный план в течение нескольких лет и с помощью Богоразы смог получить обязательство от Академии наук предоставить ему исследовательскую позицию в МАЭ. Однако почувствовав, что атмосфера в Советской России начинает меняться, пожилой этнограф в последний момент отказался от этого предприятия, сославшись на неважное здоровье. Богораз был раздражен и очень огорчен этим [APS Bogoraz to Boas, October 13, 1927] [Вахтин 2004].

² Вполне можно себе представить существование иных причин того, почему Богораз не был избран в академию: в конце концов, не все из опубликованных им работ были самого высокого качества, и более того, кресло эксперта по языкам сибирских аборигенов было уже занято Штернбергом, а кресло для этнологов еще не было создано. Возможно также, что прав Игорь Крупник, по мнению которого члены академии могли быть недовольны тем, что Богораз выдвинул в академию Комитет Севера, то есть политическая организация, созданная новым режимом (личное сообщение, август 2005 г.).

³ Богораз писал, что, хотя он слишком стар, чтобы беспокоиться о «новых почестях», дело создания этнографии в России, которому он предан всей душой, «пошло бы с меньшими трениями и трудностями», если бы его избрали в академию [APS Bogoraz to Boas, May 17, 1927].

раза представляет постоянное соединение углубленного научного исследования и практической общественной работы среди изучаемых народностей. Мы считаем необходимым ввести эту работу в широкое русло Академии наук и предоставить ей возможность большего расширения и углубления» [ПФ АРАН ф. 250, оп. 3, ед. хр. 3, л. 10–11].

И снова Боас был готов помочь своему российскому другу. В начале июня 1928 г. он послал рекомендательное письмо секретарю академии С.Ф. Ольденбургу. Боас отлично понимал, что должен был сказать: в его письме содержались не только похвалы работам Богораза о культуре и языке чукчей и других восточно-сибирских народов; письмо заканчивалось следующим утверждением: «Вклад его [Богораза], однако, является гораздо более широким. Исследования, посвященные народам Советского Союза в связи с современными социальными проблемами, имеют огромное значение, одновременно с научной и практической точек зрения. План этих исследований был разработан ученым, обладающим очень глубоким знанием методов и задач этнологии» [Боас Ольденбургу, 4 июня 1928, ПФ АРАН ф. 250, оп. 3, ед. хр. 3, л. 10–10а]. В той же папке, которая содержит это рекомендательное письмо, хранится написанное неким доброжелателем Богораза пояснение того, почему эта рекомендация является весьма уместной. Боас представлен в этом документе не только как ведущий иностранный антрополог/этнолог, но и как прогрессивный ученый, имевший смелость высказаться против вступления Америки в Первую мировую войну, а также против использования антропологических исследований в качестве прикрытия для американского шпионажа в Мексике. Не удивительно, что упоминается и краткая связь Боаса с социалистической партией. И, наконец, рекомендация Боаса интерпретируется как пример сочувственного отношения к новому советскому обществу, существующего среди «лучших представителей [зарубежной] науки и интеллигенции» [Там же, л. 2–3].

Несмотря на поддержку Боаса и Смидовича, Богораз не был избран в Академию наук в 1928 г.¹ Негативное отношение к нему, разделявшееся по крайней мере некоторыми консервативно настроенными академиками, должно было сыграть известную роль, однако против него могли также сработать

¹ В списке кандидатов, одобренном ЦК партии, имя Богораза появляется под рубрикой «кандидат, против которого мы не возражаем». Двумя другими категориями были члены партии и «кандидат, близкий к нам» (то есть к партии). За некоторое время до выборов кандидатура Богораза была снята вместе с некоторыми другими. Таким образом, академики не должны были голосовать ни за него, ни против. Неясно, почему власти удалили имя Богораза из списка, однако можно предположить, что партийные чиновники или не полностью доверяли ему, или боялись, что его забаллотировать [Есаков 2000: 53–54].

активные занятия Богораза «прикладной этнологией» (через Комитет Севера) и его многочисленные международные контакты и исследовательские проекты. В конце концов, в тот же самый год академики избрали другого бывшего народовольца, симпатизировавшего эсерам, Э.К. Пекарского, для того чтобы заполнить вакансию, освободившуюся после смерти Штернберга. Как и Богораз, Пекарский стал лингвистом и этнографом, находясь в сибирской ссылке. Однако в отличие от Богораза он являлся академическим ученым в более строгом смысле, будучи вне политики с начала 1920-х гг.¹

К началу 1930-х гг. этнография утратила свой статус особой дисциплины и начала рассматриваться в качестве вспомогательной науки, чьим предметом является история доисторического и доклассового общества, а также пережитки культур этих обществ в рамках «более развитых социальных формаций». Мощная кампания против «буржуазной», «правой» профессуры, начавшаяся в начале 1930-х гг., включала ряд мероприятий по реорганизации университетской системы. Этнографическое отделение географического факультета стало жертвой такой реорганизации и было закрыто в 1932 г. [Соловей 1998: 210–211].

В начале 1920-х гг. Богораз был глубоко вовлечен в работу уже упоминавшегося Комитета Севера [Slezkine 1992; 1994: 150–183]. Опираясь на свой сибирский опыт и народническую идеологию, Богораз выступал за то, чтобы государство защищало территории, используемые северными аборигенами для поиска пропитания, от дальнейшей колонизации приезжими. Кроме того, он призывал к постепенному инкорпорированию этих обществ в новое социалистическое государство и особо подчеркивал необходимость улучшения образования и медицинских услуг для коренных народов. Наконец, он указывал, что местные представители власти должны хорошо знать язык и культуру народа, с которым работают. Конечно, по его мнению, предоставить подобную информацию — задача этнографа. В 1920-х гг. многие студенты Штернберга и Богораза совмещали этнографические и лингвистические исследования с работой по «советизации» аборигенов. Не удивительно, что к началу 1930-х гг. предложения комитета по постепенной модернизации местных сибирских сообществ были отвергнуты и упор стал делаться на форсированную колонизацию и индустриализацию; к середине 1930-х гг. комитет был вообще расформирован [Вахтин 1993: 21–24].

¹ Эта интерпретация неудачи Богораза была подсказана мне в 2000 г. Михаилом Файнштейном.

Другим любимым начинанием Богораза стало создание в конце 1920-х гг. Института народов Севера при Ленинградском университете — первого специализированного высшего учебного заведения для коренных жителей Севера. Богораз преподавал в институте и вел большую исследовательскую работу по лингвистике и этнологии. Среди его больших проектов была первая азбука на чукотском языке, опубликованная в 1932 г. Двумя годами позже он написал грамматику этого языка.

Как свидетельствует этот краткий обзор, к концу 1920-х гг. Богораз столкнулся с целым рядом ограничений в академических, образовательных и общественных начинаниях. Однако худшее было впереди.

Сталинизация в действии

В 1920-е гг. российской марксистской антропологии еще не существовало, хотя некоторые этнологи и придерживались марксистских взглядов. Большинство из них принадлежало к молодому поколению, однако некоторые представители старшего поколения пытались сочетать марксистскую методологию с другими теоретическими подходами. Так, в своей книге 1928 г. «Распространение культуры на земле. Основы этногеографии» Богораз пытался сочетать антропогеографию Ф. Ратцеля с марксизмом. Однако, как указывает Соловей [2001: 107], «чаще всего марксистское влияние проявлялось в терминологии и использовании механистически понятой материалистической диалектики». В 1920-е гг. ученые типа Штернберга и Богораза рассматривали марксизм в качестве одной из парадигм, а отнюдь не «единственно верной», как начнет утверждать следующее поколение советских этнологов в 1930-х гг.¹ В конце 1920 — начале 1930-х гг. большинство ученых старшего поколения продолжало рассматривать этнологию как широкую дисциплину, разновидность макронауки, охватывающей целый ряд социальных и гуманитарных дисциплин. Эта точка зрения вскоре попала под обстрел догматических марксистов [Там же].

В эту эпоху политический климат в Советском Союзе начал резко меняться. Нэп с его ограниченным идеологическим плюрализмом закончился, и началась сталинская «революция сверху». Она повлекла за собой быструю модернизацию социально-экономической системы, сопровождавшуюся установлением жесткого идеологического режима. Эта революция сверху включала мощную атаку на так называемых «буржуаз-

¹ Так, в рукописи, составленной до 1927 г., Богораз отвергает мысль о том, что может существовать особая марксистская этнология [ПФ АРАН ф. 282, оп. 1, ед. хр. 175, л. 3].

ных специалистов» в экономике, науке и высшем образовании. На нескольких показательных процессах представители интеллигенции были обвинены во вредительстве, направленном против советской промышленности. Культивировалась атмосфера подозрительности и враждебности по отношению к старшему поколению «спецов». В конце 1920-х — начале 1930-х гг. Академия наук (оплот ученых-некоммунистов), продолжавшая оставаться полуавтономной, стала объектом злобных нападок, результатом которых явился арест целого ряда видных ученых, а также организация выборов нескольких марксистов в Академию [Tolz 1997: 68–87; Есаков 2000]. Эта идеологическая революция неизбежно создала условия, благоприятствовавшие честолюбивым молодым специалистам по общественным наукам, получившим образование после 1917 г. Соловей [2001: 108] говорит об этом захвате власти в науке как о «революции снизу», ставшей дополнением «революции сверху». Эти молодые и часто малообразованные активисты приводили правительственные постановления и идеологические постулаты в действие.

В ранней советской этнологии подобные деятели вышли главным образом из рядов Общества историков-марксистов. Их лидер В.Б. Аптекарь выступил инициатором кампании против антропологов-немарксистов. Поскольку до 1932 г. официальная партийная точка зрения на социальные науки отсутствовала, Аптекарь и компания взяли на себя роль представителей партии в академическом мире. Начиная с 1928 г. они вели полемику о границах и методологии культурной антропологии. Поначалу это были споры на публичных собраниях ученых, а также в периодических изданиях. Одним из главных организаторов этих дискуссий выступила социологическая секция Общества историков-марксистов. Ряд московских и ленинградских этнологов, включая Богораза, был вовлечен в работу этой секции. Как отмечает Соловей [1998: 144–146], в ходе диспута «Марксизм и этнология», проходившего в 1928 г., Аптекарь бросил обвинение Богоразу и нескольким другим «старым специалистам», пытавшимся применять марксистский метод в своих этнологических исследованиях, в том, что, будучи эклектиками и «механистическими материалистами», они исказили великую теорию. Его вывод был исключительно радикальным — уничтожить этнологию как науку! Эта позиция не нашла поддержки у участников дискуссии, за исключением нескольких молодых членов Общества историков-марксистов. В то же время многие из участников согласились с Аптекарем, что этнологию надо поставить на «марксистские рельсы». Кроме того, ряд более радикальных марксистов требовал сузить компетенцию этнологии, превратив ее во вспомогательную

описательную дисциплину, называемую «этнографией» [Там же: 147].

Аптекарю не удалось завоевать в этом споре широкой поддержки, однако он продолжал свои нападки на «немарксистских этнологов». Так, основной мишенью его критики на Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов, проходившей в Москве в конце декабря 1928 — в начале января 1929 г., была уже упоминавшаяся незадолго до того опубликованная книга Богораза «Введение в этногеографию»¹. Аптекарь обвинил Богораза в использовании «устаревших» идей Ратцеля и отверг его попытку применить марксистскую диалектику как пример несовместимости этнологии и марксизма. Несколько месяцев спустя на диспуте, посвященном марксистскому подходу в социологии, Аптекарь выступил еще более страстно против советской этнологии как «суррогата буржуазного обществоведения», а также против «отцов современной этнологии», то есть старшего поколения ученых типа Богораза [Соловей 2001: 112].

Апогеем этих споров стала печально известная конференция московских и ленинградских этнологов, проходившая в апреле 1929 г. в Ленинграде². Богораз был избран в президиум вместе с несколькими другими этнологами старшего поколения и сделал большой доклад, еще раз заявив о значимости долгосрочной полевой работы для этнологических исследований, а также «культурно-просветительской работы» среди малых народов России. Между тем тон на конференции задавали несколько молодых ученых-марксистов. Уже упоминавшийся Н.М. Маторин, а также бывший студент Богораза Я.П. Алькор (Кошкин) уважительно, но твердо критиковали слабые попытки Богораза сочетать взгляды Ратцеля с марксизмом [Михайлова 2004: 123]³. В задававшем тон выступлении Аптекаря речь шла об общих вопросах этнологической теории, а также повторялись его прежние аргументы о том, что у этнологии нет своего собственного четкого предмета, а поэтому она не является теоретической дисциплиной. Это всего лишь «суррогат буржуазного обществоведения», пытавшегося заместить собой марксистскую социологию и ис-

¹ Данная работа была основана на лекционном курсе, прочитанном Богоразом в Ленинградском университете в конце 1920-х гг.

² Эта конференция рассматривается в: [Slezkine 1991; Соловей 1998; 2001].

³ Между прочим, уже весной 1928 г. Маторин, который (в отличие от Аптекаря) действительно интересовался эмпирическими этнографическими исследованиями, начал добиваться от Богораза включения своих собственных новых курсов «Этнография и марксизм» и «Этнография и советское государственное строительство» в программу этнографического отделения географического факультета Ленинградского университета [ПФ АРАН ф. 250, оп. 5, ед. хр. 123].

ториографию¹. Такая позиция была чересчур радикальной даже для обоих влиятельных молодых этнологов-марксистов, Алькора и Маторина. На конференции было отвергнуто представление о том, что этнология является самостоятельной теоретической дисциплиной, а также отмечено, что отныне основным предметом этнологии должны стать «социально-экономические формации в их конкретных вариантах». Термин «этнология» был более или менее изгнан из научного дискурса. Кроме единственного участника, все проголосовали за эту резолюцию. Более того, было решено считать выводы конференции обязательными для всех советских этнографов [Совещание этнографов 1929: 110–114]. Как указывает Соловей, «едва ли все, кто поддержал ее, были согласны с принятыми решениями, в частности с упразднением теоретической этнологии. Подписавшись под резолюцией, ученые старой школы, вероятно, надеялись таким образом обеспечить продолжение своей профессиональной деятельности, пусть даже в резко сузившихся рамках. Иной реакции научного сообщества в гнетущей идеологической атмосфере конца 1920-х гг. трудно было ожидать» [Соловей 2001: 113].

Апрельская конференция 1929 г. сделала невозможным продолжение серьезной полемики о предмете и методах этнологии. Формально дискуссия продолжалась в течение всего 1930 г., но она быстро превратилась в обыкновенную идеологическую чистку, направленную на то, чтобы забить последний гвоздь в гроб «буржуазной» этнологии, от представителей которой потребовали «разоружиться» и «признать ошибки» [Соловей 2001: 113]. Так, в январе 1930 г. на заседании бывшей социологической секции Общества историков-марксистов, которая была переименована в «секцию докапиталистических формаций», Богораз прочел доклад, называвшийся «О применении марксистского метода к изучению этнографических явлений». В нем он отошел от своей прежней теоретической позиции, высказанной во «Введении в этногеографию». Он также провел отчетливое различие между своим собственным подходом и идеями Фрица Гребнера и Вильгельма Шмидта². Богораз

¹ Радикальной точке зрения Аптекаря вторит декларация, составленная позднее в том же году небольшой, но агрессивной группой студентов-марксистов этнографического отделения географического факультета Ленинградского университета. В озаглавленной «Нашей платформой» декларации объявлялось, что этнография «уже разбита марксизмом» [ПФ АРАН ф. 250, оп. 3, ед. хр. 178].

² В конце 1920-х и особенно в 1930-х гг., после прихода Гитлера к власти, Вильгельм Шмидт и его школа стали для советских этнографов врагами номер один. Тот факт, что Шмидт был набожным католиком и немцем, делал его естественным объектом нападок. Вот, что писал о нем сам Богораз в своем комментарии к статье Боаса «Задачи антропологического исследования»: «Католическая школа современной этнографии, возглавляемая кардиналом Шмидтом, представляет собой активную реакционную силу и ведет наступление против всех вообще научных достижений недавнего прошлого, точно так же, как немецкий фашизм ведет наступление против самых элементарных условий общественной жизни» [Богораз 1933: 193].

подчеркнул важность борьбы, которую необходимо было развернуть внутри этнографии между «материалистическим методом» и «идеалистическим методом» [1930: 3]. Он также настаивал на том, что этнография должна сконцентрироваться на «изучении общественных формаций, связанных с ранними производственными формами типа натурального хозяйства, изучении пережитков и реликтов прежних производственных форм, а также новообразований того же типа, возникающих в более поздних общественных формациях, вплоть до настоящего времени». Вдобавок, по его словам, «в область этнографии входит изучение социальных надстроек, соответствующих более ранним общественно-производительным формам, нередко существующим в виде пережитков в более позднее время» (цит. по: [Соловей 1998: 158]). Таким образом, старый народник открыто подписался под новой точкой зрения на этнографию как на науку о первобытном обществе. Богораз признал, что его новые теоретические аргументы и в особенности попытки соотнести разнообразие социально-экономические и технологические системы («формации») со специфическими формами «психологической и идеологической» надстройки были слабыми, и попросил извинения за свои прошлые ошибки; кроме того, он признал, что ему и другим этнографам старшего поколения было непросто перейти на новую терминологию, более соответствующую новой марксистской идеологии [Там же].

Извиняющийся тон Богораз вызвал еще больше злобных нападок на него и на все старшее поколение этнологов со стороны молодых радикалов, которые больше уже не выказывали уважительного отношения к своим учителям и предшественникам. Годом позже Богораз предпринял еще одну попытку примкнуть к победившей марксистской этнографии, опубликовав статью, в которой попытался продемонстрировать существование классового расслоения у чукчей в начале XX в. Однако попытка Богораз заново проанализировать свои собственные этнографические данные начала века в свете новой политически правильной методологии не была убедительной [Богораз 1931]. Таким образом, в начале 1930-х гг. его статус внутри советской этнографии был статусом уважаемого ученого старой школы, стремящегося овладеть марксистской теорией и методологией, однако не очень продвинувшегося в этой области [Маторин 1931]. В частных разговорах с коллегами Богораз иронически говорил о самом себе как о «комсомольце» [Михайлова 2004: 125].

В начале 1930-х гг. влияние новой советской этнографии начало ощущаться в МАЭ, с которым Богораз был все еще официально связан. Так, в 1930 г. под руководством нового директора

музея Н.И. Маторина старый метод демонстрации экспонатов по принципу географического или этнического критерия был объявлен «не соответствовавшим ни принципам марксистской методологии, ни возросшим требованиям трудящихся масс» [Отчет 1932: 261]. Соответственно он был заменен социально-экономическим принципом¹. Кроме того, МАЭ начал устраивать выставки, напрямую связанные с текущими политическими событиями и директивами партии². Другой темой музейных выставок и лекций стали антирелигиозная пропаганда и атеизм.

Частью мощной антирелигиозной кампании, которая поддерживалась правительством (инициатором ее выступал Союз воинствующих безбожников), в конце 1920-х — 1930-х гг. стала организованная МАЭ под руководством Богораза большая антирелигиозная выставка в Зимнем дворце. Посещавшаяся толпами людей, выставка стала настолько популярна, что в 1931 г. она была реорганизована в Музей истории религии и атеизма. Старый атеист Богораз был директором этого нового учреждения до самой смерти в 1936 г. Новый музей должен был заниматься исследовательской работой, устройством выставок по истории религии и атеизма, а также освещать «современное состояние религии в связи с классовой борьбой». Помимо этого в обязанности музея входило антирелигиозное воспитание [Советская этнография 1931: 171–172].

В 1930-е гг. Богораз пишет несколько антирелигиозных статей, включая «Религия как тормоз социалистического строительства среди малочисленных народностей Севера» [Богораз 1932]. В ней пожилой этнолог объявил о своем радикальном разрыве со старой «либерально-народнической» (т.е. до некоторой степени сочувственной) точкой зрения на шаманизм. Одной из его последних работ в этом жанре стало «Методическое письмо по организации антирелигиозной работы среди народов Севера», которое он продиктовал Никитиной и опубликовал в 1934 г. [Михайлова 2004: 122].

¹ Н.И. Маторин — первый директор МАЭ, который не был членом Академии наук. Более того, он даже не имел законченного университетского образования. Однако членство в партии и тесные связи с ленинградским партийным начальником Григорием Зиновьевым наверняка помогли ему сделать блестящую карьеру [Решетов 2003].

² Так, две выставки, организованные МАЭ в 1932 г., назывались «Японский империализм и захват Китая» и «Положение негров САСШ» [Отчет 1932: 205].

Богораз и Боас в 1920-е гг.

После большевистского переворота связь между Боасом и его русскими коллегами была прервана почти на четыре года, пока не возобновилась летом 1921 г., когда Иохельсону удалось послать Боасу копии своих статей. Отвечая на его письмо, Боас писал: «Для меня большим удовольствием и облегчением было получить два оттиска об алеуках, которые Вы послали мне этим летом. Я годами испытывал желание опять вступить с Вами в контакт и узнать, как поживаете Вы и наши общие русские друзья. Летом я был в Европе, но ничего не смог узнать о Вашем местонахождении. Пожалуйста, пришлите мне весточку и дайте знать, как Вы поживаете» [APS Boas to Jochelson, September 9, 1921].

Наихудшим в этом длительном перерыве в общении с Боасом и другими западными учеными для трех русских этнологов было то, что они оказались отрезанными от научной периодики и информации о новых исследованиях. Чтобы удовлетворить их интеллектуальный голод, Боас послал в МАЭ новые антропологические журналы и книги. Помимо этого, заботясь об их материальном благополучии, Боас смог устроить для всех троих щедрое вознаграждение за продолжение работы по сибирской этнологии и лингвистике, предназначенной для публикации в Америке¹. Поскольку у Соединенных Штатов в это время не было дипломатических отношений с Россией, вместо денег Боасу удалось послать своим друзьям в Петроград продовольственные посылки. Выражая свою благодарность Боасу от себя и своих коллег, Штернберг писал: «Я недостаточно хорошо знаю английский, чтобы по-настоящему выразить Вам, как сильно я был тронут Вашим сочувствием и памятью обо мне и моих друзьях, Богоразе и Иохельсоне. И дело не столько в материальной стороне — поскольку после всего, что мы пережили за эти годы, кажется, что иногда можно выжить без достаточного количества пищи, тепла и одежды, но без веры в человека, без сочувствия себе подобных, без общения, особенно научного общения, сделать это очень трудно... Ваш ответ на наш молчаливый призыв был утешительным и придающим силы» [APS Shternberg to Boas, June 20, 1922]. В своем письме Боасу Богораз вторил Штернбергу: «Мы жаждем книг, как рыбы хотят свежей воды, хоть сколько-нибудь свежего воздуха из внешнего мира» [APS Bogoraz to Boas, February 17, 1923].

¹ В ответ на просьбу Боаса глава Американского музея естественной истории (American Museum of Natural History) согласился выплачивать русским по триста долларов в каждый из оставшихся месяцев 1921 г.

Письма «этнотройки» были уклончивыми в том, что касалось политической ситуации в стране, а также их собственных проблем с властями, и Боас смог узнать подлинную историю только в конце 1922 г., когда Иохельсон приехал в Нью-Йорк. Официально одобренное в качестве долгосрочной командировки, это путешествие на самом деле было бегством из коммунистической России. Будучи не в состоянии опубликовать свои ученые труды в России в эпоху Гражданской войны, Штернберг и Богораз стремились воспользоваться восстановлением связей с Боасом и напечатать свои новые работы в американских журналах. Так, в 1925 г. в «*American Anthropologist*» появилась большая статья Богораза «*Ideas of Space and Time in the Conception of Primitive Religion*» [Bogoraz 1925]¹. Боас, конечно, стремился помочь российским коллегам опубликовать их работы на английском языке, но гораздо больше он был заинтересован в получении их рукописей, посвященных сибирским языкам и культурам, которые они давным-давно обещали подготовить для серии публикаций Джемсуповской экспедиции. Поэтому поведение Штернберга и Богораза начинало вызывать у него некоторое раздражение [Иохельсон Штернбергу, ПФ АРАН ф. 282, оп. 2, ед. хр. 124, л. 38–39].

Согласно Иохельсону, в начале 1920-х гг. Боас симпатизировал Советскому Союзу. Его умеренные социалистические взгляды, как и надежды на улучшение ситуации в России, должны были играть важную роль в формировании такой позиции. В 1923 г. он даже планировал совместить свой летний отдых в Германии с поездкой в Россию [Иохельсон Штернбергу, 12 марта 1924, там же, л. 24]. Однако, как Боас объяснил в письме Богоразу из Германии, поскольку его пребывание в Европе оказалось короче, чем он предполагал, а также в связи с тем, что для получения советской визы требовалось много времени, он решил не ехать в Петроград. Тем не менее он надеялся увидеть Богораза в Берлине в сентябре и предложил оплатить расходы, связанные с этим путешествием [APS Boas to Bogoraz, June 13, 1923].

Богораз не смог приехать в Германию в 1923 г., но летом 1924 г. ему и Штернбергу была наконец разрешена поездка в Европу для участия в Международном конгрессе американистов в Гааге и Гетеборге, а также для посещения музеев и закупки этнологических журналов и книг для Академии наук. Они встретились с Боасом в Берлине и вместе отправились в Нидерланды. Как писал Штернберг своей жене, «из всех моих берлинских впечатлений наиболее приятным была моя встреча с Боасом:

¹ Статья основывалась на его монографии «Эйнштейн и религия», опубликованной в России двумя годами ранее [Богораз 1923].

трудно передать его теплоту, простоту манер, благородство характера» [ПФ АРАН ф. 282, оп. 2, ед. хр. 361, л. 175]. В Гааге три друга жили в одной гостинице и проводили много времени вместе. Согласно Штернбергу [Там же], «социалистические взгляды» Боаса делали его не только коллегой, но и «единомышленником»¹. Он также отметил, что Боас специально проводил много времени с советскими делегатами, чтобы продемонстрировать свою симпатию к Советской России другим участникам конгресса, некоторые из которых, несомненно, не испытывали такого энтузиазма по поводу нового московского режима [Там же: 202]. Оба российских делегата привлекали много внимания благодаря как интересным докладам, так и новизне — в качестве представителей старой интеллигенции, решивших не эмигрировать, а остаться в Советской России.

Мы не знаем, в каком свете представляли русские ученые советскую жизнь Боасу, но я подозреваю, что нарисованная ими картина нового режима была смешанной. С одной стороны, они должны были рассказывать Боасу о недавней чистке «буржуазных» студентов и профессоров в высших учебных заведениях [Копесну 1999]. С другой стороны, полный энтузиазма рассказ о новых возможностях для исследовательской работы и преподавания, которыми они воспользовались, должен был произвести сильное впечатление на Боаса². Более того, эта встреча помогла возродить довоенные планы Боаса о продолжении международного сотрудничества в сфере приполярных исследований, начатого Джебуповской экспедицией [Krupnik 1998: 206–208]. Русские коллеги разделяли его энтузиазм по поводу подобного сотрудничества. Так, два доклада, представленные Богоразом на конгрессе, явно отражали программу Джебуповской экспедиции Боаса и содержали новые интересные сибирские данные. Кроме того, в них нашла отражение попытка автора применить диффузионистские идеи и теорию культурных кругов (Kulturkreise), приобретающие в это время популярность среди этнологов вообще и американистов в частности [Vogoraz 1924; 1925b; Богораз 1926: 129]. Поскольку часть Конгресса американистов 1924 г. проходила в Швеции, Боасу и его русским коллегам удалось обсудить этот исследовательский проект с несколькими ведущими скандинавскими этнологами, которые отнеслись к нему столь же положительно.

¹ Общие социалистические взгляды также способствовали особо теплым отношениям, сложившимся между двумя российскими этнологами и их французскими коллегами, Полем Риве и Марселем Моссом [Штернберг Сарре Штернберг, ПФ АРАН ф. 282, оп. 2, ед. хр. 361, л. 199–200]. См. также переписку Мосса со Штернбергом и Богоразом (Архив Мосса в Коллеж де Франс в Париже).

² Их энтузиазм должен был усиливаться благодаря тому, что Штернберга вот-вот должны были избрать в Российскую академию наук.

Богораз отлично провел время в Берлине и Париже, посетив брата, эмигрировавшего после большевистского переворота во Францию, встретившись со старыми и новыми друзьями и коллегами. Несмотря на свою просоветскую позицию, он не мог не посетить старых товарищей из «Народной воли» и партии эсеров — некоторые из которых продолжали антибольшевистскую деятельность. Как и Штернберг, он жадно читал научную литературу и посещал музеи. В результате Богораз и Штернберг восстановили связи с целым рядом выдающихся иностранных антропологов и завязали новые контакты с более молодыми коллегами.

Полный решимости восстановить научное сотрудничество между западными и русскими исследователями приполярных регионов, Боас, в 1925 г. читавший лекции в Норвегии, порекомендовал отделу арктической этнологии Норвежского института истории цивилизации пригласить Богораз к участию в большом этнологическом проекте в Арктике, который планировался этим институтом [APS Boas to Bogoraz, November 13, 1925; Boas to Refsdal, December 4, 1925]. После встречи со своими русскими коллегами в 1924 г. Боас стал еще активнее посылать научные книги и журналы для Российской академии наук. Кроме того, он попытался получить финансирование от еврейских организаций для исследований Богораз, а также для помощи Институту высших еврейских знаний, с которым был тесно связан Штернберг [APS Bogoraz to Bogen, December 24, 1924].

Двумя годами позже Боас и Богораз увиделись снова в Риме на 22-м Международном конгрессе американистов. На этот раз Богораз познакомился с несколькими молодыми американскими этнологами и лингвистами, включая И. Халлоуелла, Г. Рейхард, Ф. Спека и Л. Блумфилда. Из двух докладов, прочитанных им в Риме, один был очень «джезуповским», тогда как другой отражал его неугасающий интерес к религии и ее эволюции [Bogoraz 1928a; 1928b]. На этом конгрессе Богораз был избран одним из вице-президентов Международного общества американистов.

Стремясь сотрудничать с Боасом и другими зарубежными американистами, Богораз не хотел повторения Джезуповской экспедиции, в которой русские этнографы фактически собирали материалы для американского музея по указаниям и под руководством Боаса. Еще три года назад, отчаянно стремясь получить иностранное финансирование, он был готов принять подобную ситуацию. Однако к 1926 г. все изменилось: финансовая поддержка советской властью этнографических исследований увеличилась, как и правительственный контроль над иностранными исследованиями на территории СССР.

В своих докладных записках, адресованных властям и чиновникам Академии наук, Богораз решительно заявлял о необходимости выделения существенных сумм на проведение этнографических и археологических исследований на российской стороне Берингова пролива, что должно было гарантировать ведущее положение СССР в этой области. Среди недавних больших иностранных арктических проектов, которые Богораз рассматривал в качестве образцов для советских начинаний, была знаменитая Пятая экспедиция Туле, организованная датчанами, в которой Кнуд Расмуссен и его группа занимались исследованием эскимосских культур Гренландии, Канадской Арктики и Северной Аляски. В 1924 г. Расмуссен даже попытался высадиться рядом с поселением азиатских эскимосов в Наукане. Однако американский капитан судна, на котором путешествовал датский исследователь, побоялся высаживаться на российском берегу из-за недавнего конфликта советских пограничников и американских китобоев, которые якобы пытались захватить Остров Врангеля [Богораз 1926: 127]. Таким образом, апеллируя к советской гордости и нарастающей подозрительности по отношению к иностранцам, Богораз пытался добиться финансирования для исследований в Восточной Сибири, а для себя — роли организатора этого исследовательского проекта, а также его главного докладчика на всех последующих международных научных конференциях [ПФ АРАН ф. 250, оп. 3, ед. хр. 123]. Посещение этих конференций было важно для него как способ поддерживать контакты с западными коллегами, а также как отдых от загруженной и полной стрессов профессиональной жизни¹.

В последний раз Боас и Богораз встретились на 23-м Международном конгрессе американистов в Нью-Йорке в середине сентября 1928 г.² Кроме встречи со старым другом и некоторыми другими американскими и европейскими коллегами, у Богоразы была возможность завязать контакты с целым рядом молодых американских антропологов, среди которых были Р. Бенедикт, М. Херсковиц, А.Л. Кребер, Ф. Спек, Л. Уайт и др. От России присутствовало всего лишь два делегата, и Богораз был явно в центре внимания. Его избрали одним из четырех секретарей конгресса, и он прочел шесть (!) докладов, отражавших целый

¹ Так, в декабре 1926 г. Богораз направил в Академию наук просьбу оплатить его командировку в Берлин и Париж для участия во встречах европейских американистов, планировавшихся в качестве подготовки Конгресса американистов в 1928 г., который должен был пройти в Нью-Йорке. Однако по каким-то причинам он не смог поехать.

² После кончины Штернберга Богораз впал в меланхолию и предавался мыслям о приближающейся смерти. Он писал Боасу осенью 1927 г., ожидая визу в США: «Я хочу еще раз увидеть Вас и других друзей перед тем, как отправиться в иной путь, гораздо более далекий, чем даже Атлантический океан» [APS Bogoraz to Boas, November 27, 1927].

ряд его старых и новых интересов и начинаний [Богораз 1930; Bogoraz 1930a; Bogoraz, Leonov 1930]. Вдобавок он представил несколько работ, написанных его и Штернберга студентами-сибироведами. Его недавно возникший интерес к этногеографии и диффузионизму отразился в некоторых из этих работ, а также в статье, которую он опубликовал в «American Anthropologist» в 1929 г. [Bogoraz 1929]. Основанная на лекции, которую он прочитал, находясь в США, и озаглавленная «Элементы культуры приполярной зоны», данная работа отлично вписывалась в американские исследования, посвященные распространению элементов культуры (culture elements distribution). Помимо этнологов Богораз встречался с целым рядом либеральных и левых интеллектуалов, симпатизировавших Советскому Союзу, включая Теодора Драйзера. К этой группе принадлежал и сам Боас, состоявший в совете недавно организованного Американского общества культурных связей с Россией (СССР).

Непосредственно после окончания конгресса в Американском музее естественной истории произошла встреча ведущих специалистов по приполярной этнологии, археологии и (биологической) антропологии. Кроме Богораза в ней участвовали два американца (К. Уисслер и А. Хрдличка), один канадец (Д. Дженесс) и четверо скандинавов (У. Тальбицер, Е. Норденшельд, К. Биркет-Смит и Т. Матиассен)¹. Из патриотических чувств или из страха быть обвиненным в заигрывании с иностранцами Богораз жестко отклонил все предложения, сделанные западными коллегами по финансированию и проведению совместных исследований на советской территории. В конце концов было решено, что ученые будут проводить исследования в своих собственных странах и при этом участвовать в иностранных экспедициях в качестве приглашенных гостей. Еще одно разногласие между Богоразом и его иностранными коллегами возникло во время обсуждения проблемы сохранения языков и обычаев малочисленных народов Сибири. В то время как западные ученые с прискорбием говорили о надвигающемся исчезновении этих народов в качестве отдельных культурных и языковых общностей, Богораз заявил, что несмотря на то, что эти культуры представляют большой научный интерес, Советский Союз не имеет планов искусственно сохранять традиционный образ жизни этих народностей, в то же время поддерживая местные языки и даже создавая для них письменность [Богораз 1929]. Таким образом, старый народник продемонстрировал готовность отвергнуть свои прежние идеи о необходимости защиты местных культур Сибири от русификации в

¹ В отчете Богораза об этой встрече Боас не упоминается среди других участников [Богораз 1929: 103].

пользу новейшей и «политически правильной» точки зрения. Согласно Бенедикт, в разговорах с участниками конгресса Богораз повторял официальные советские взгляды и по другим вопросам, таким как литература [Mead 1959: 307–308]¹. Трудно понять, насколько искренней была его просоветская позиция, хотя можно предположить, что в 1928 г. он уже не хотел публично критиковать советскую политику за границей. Весьма возможно, что Богораз проявлял большую откровенность в частных беседах с Боасом, которому доверял полностью.

После завершения конгресса Богоразу удалось продлить американскую визу и провести около двух месяцев в Нью-Йорке. В течение этого времени он регулярно виделся с Боасом. Кроме обсуждения вопроса о полномасштабном сотрудничестве между российскими и западными этнологами, работающими в Арктике, они выработали план обмена аспирантами-этнологами между США и СССР. 19 ноября 1928 г. идентичные письма были посланы в Советскую академию наук, Ленинградский университет и Комитет Севера, а также в несколько американских образовательных и исследовательских фондов (включая Social Science Research Council и Guggenheim Foundation); подписаны они были Боасом, Богоразом и Стивеном П. Даггеном, главой Института международного образования (Institute of International Education) [APS Boas to Guggenheim Foundation, November 19, 1928]. Авторы писем выступали за учреждение международных стипендий, которые позволили бы «русским аспирантам заниматься проблемами американской этнологии, <...> а также американским аспирантам участвовать в исследованиях этнологии Сибири и арктической Европы. С американской стороны это позволит предоставить российским аспирантам возможность участвовать в полевых исследованиях, и то же самое будет сделано для американских аспирантов, изучающих Сибирь и арктическую Европу» [Боас Богоразу, ПФ АРАН ф. 250, оп. 4, ед. хр. 35, л. 49–50]. В письме Богоразу, датированном 24 ноября 1924 г., Боас, который скорее всего был основным автором писем от 19 ноября, детально разъяснил свои планы. Поскольку этот документ является очень интересным и доступен только в фонде Богораз в архиве Российской академии наук, я процитирую его почти целиком. Боас хотел, чтобы эта стипендия позволила американским аспирантам провести достаточно времени в России, «чтобы полностью овладеть русской [научной] литературой и ознакомиться с проблемами

¹ В письме М. Мид, датированном 21 сентября 1928 г., Бенедикт описывала свои впечатления от Богораз, с которым она разговаривала на заседаниях Международного конгресса американистов в Нью-Йорке: «Я хорошо пообщалась с Богоразом. Он полон энтузиазма по поводу „нового рассвета“ (в СССР) и уверен в своей правоте, как ребенок» [Mead 1959: 307].

сибирской этнологии, которые абсолютно необходимо знать для ясного понимания наших североамериканских проблем. То же самое верно и в отношении российских этнологов, и мне хотелось, чтобы хотя бы несколько из них побывали в нашей стране. Для начала я хочу попытаться получить стипендию по крайней мере для одного русского этнолога. Мой план заключается в том, что он будет находиться здесь, в одном из университетов Восточного побережья достаточно долго, чтобы познакомиться с нашими научными методами; я хотел бы послать его на Аляску, чтобы он провел скрупулезное исследование тлинкитов, которое никогда еще не проводилось. Это кажется мне особенно нужным, поскольку большая и ценная [тлинкитская] коллекция Музея Академии наук в Ленинграде должна быть глубоко переработана с учетом информации, полученной в поле. И в то же время, кто бы ни изучал эту ленинградскую коллекцию, он должен быть знаком и с нью-йоркской коллекцией [Американского музея естественной истории. — С.К.], вероятно, самым большим в мире собранием материалов из Аляски. Отобранный для этого человек должен обладать очень хорошей подготовкой по лингвистике и быть в состоянии точно записывать тексты. Особенно необходимо, чтобы он был знаком с исследованиями музыкального тона, который является исключительно важным элементом тлинкитского языка. Я уже сейчас могу Вам гарантировать, что деньги на экспедицию на Аляску, вероятно от 1200 до 1500 долларов, будут в нашем распоряжении. Я не могу обещать наверняка стипендию, но приложу все усилия, чтобы добиться ее. Я надеюсь, что Вы делаете все возможное, чтобы реализовать этот план и выбрать молодого российского ученого, мужчину или женщину, который был бы достаточно компетентен для проведения намеченного исследования. Если этот план будет иметь продолжение, я хотел бы, чтобы российские аспиранты занимались исследованием племен внутренней Аляски и Британской Колумбии, которое очень нужно и которое поможет лучше понять сибирские проблемы, так же как сибирские научные проблемы помогут нам понять проблемы американские. Решение ваших и наших проблем возможно только при постоянном сотрудничестве».

Боас сдержал свое слово, и когда Богораз вернулся из Нью-Йорка в Ленинград в начале 1929 г., он привез приглашения из США для пяти советских аспирантов. Одно из них (из Барнард Колледжа) было рассчитано на аспиранта-антрополога [Нитобург 2003: 401]¹. Учитывая тот факт, что между двумя странами все еще не было дипломатических отношений, это была насто-

¹ Барнард был женским колледжем, связанным с Колумбийским университетом, где преподавал Боас.

ящая удача. Богораз, у которого было несколько кандидатов, выбрал Юлию Аверкиеву (1907–1980), молодую женщину из провинциальной рабочей семьи. Она была трудолюбивой студенткой, получившей образование на этнографическом факультете в 1925–1929 гг. Весьма возможно, что ее пролетарское происхождение, просоветские взгляды и членство в комсомоле повлияли на выбор университетского начальства [APS Bogoraz to Voas, September 27, 1929]¹. После года учебы у Бенедикт, Рейхарда и самого Боаса она была приглашена своим научным руководителем для проведения совместной полевой работы в Форт Руперт в Британской Колумбии². Хотя Аверкиева и не соответствовала в точности образу того идеального студента, которого Боас описывал в цитирувавшемся письме Богоразу, ее четырехмесячная полевая работа была вполне успешной [Averkieva, Sherman 1992].

Боас и его молодая русская ученица очень хорошо относились друг к другу. Как и другие аспирантки Боаса, Юлия называла его «папа Франц» и регулярно переписывалась с ним с 1931 г., когда она вернулась в Россию, вплоть до 1937 г.³ Она была первым молодым советским этнологом, с которым Боас находился в контакте в течение длительного периода времени. Разговоры и переписка с Аверкиевой продемонстрировали ему умонастроение нового поколения советской молодежи. Как он писал Богоразу в апреле 1931 г., «она [Аверкиева] все еще является преданным приверженцем вашей новой политической системы» [APS Voas to Bogoraz, April 24, 1931]. Некоторые фрагменты из этой переписки свидетельствуют о сильных политических разногласиях между молодой коммунисткой и старым демократическим социалистом. Так, в письме от 9 октября 1933 г. Аверкиева выражает резкое несогласие с мыслью Боаса о том, что нацистская расправа с оппозицией напоминает советскую, происходившую в начале 1930-х гг. [APS]. По возвращении домой Аверкиева быстро усвоила новую партийную линию, ставшую господствующей в советской этнографии после обсуждавшейся ранее конференции 1929 г., а в особенности после Первого съезда советских археологов и этнографов, состоявшегося в 1932 г. Решения, принятые съездом, существенным образом сузили сферу деятельности советской эт-

¹ К этому времени все советские студенты и ученые, ехавшие за границу, должны были проходить через суровую процедуру рассмотрения их кандидатуры.

² Поскольку у нее не было канадской визы, Боас сделал вид, что она является его внучкой [Нитобург 2003: 402].

³ Согласно Уилларду [п. д.: 18] Аверкиевой удалось обойти советскую цензуру, передав письма «папе Францу» через американских студентов Колумбийского университета, посещавших Ленинград.

нографии. Отныне она стала вспомогательной дисциплиной, которая должна была помочь историкам понять доклассовые общества [Соловей 1998: 172–173]. Первой публикацией Аверкиевой стал довольно поверхностный обзор новейших этнологических теорий таких ведущих американских антропологов, как Боас, Кребер и Лоуи. В этой статье также содержалось критика «реакционной буржуазной» этнологии, которая стала типичным приемом советских работ с начала 1930-х гг. Аверкиева обвинила американских этнологов в антиэволюционизме и эмпиризме, критически отнеслась к диффузионизму и теории распределения элементов культуры. По словам молодого ученого-коммуниста, «американские этнографы и сознательно, и бессознательно являются служителями капитала» [Аверкиева 1932: 101]. Единственными американскими этнологами, вызвавшими похвалы Аверкиевой, были молодые последователи Л.Г. Моргана Бернанд Стерн и Лесли Уайт. В то же время критика Боаса была мягкой; к тому же она с похвалой отзывалась о его выступлении против «дела Скотсборо»¹. Диссертация Аверкиевой (1935), посвященная рабству среди квакиутлей, была типичным примером догматической марксистской интерпретации этнографических данных и должна была разочаровать ее американского наставника².

Несмотря на попытки Боаса и Богораза устроить стажировку в США и для других советских аспирантов, политическая ситуация в СССР не позволила это осуществить. Американская сторона оказалась более удачливой — в начале и середине 1930-х гг. несколько молодых антропологов из США смогли приехать для учебы в Ленинград. Среди них был и Эмануэль Гоник, ученик Кребера и Лоуи из университета Калифорнии, Юджин Голомшток, эмигрант, в свое время изучавший археологию у Бруно Адлера в России, получивший магистерскую степень в Калифорнийском университете в Беркли в 1923 г. и работавший под началом Спекса в Музее Пенсильванского университета в середине 1920-х, а также Арчи Финни, этнолог и лингвист (из индейского племени не-персе), ученик Трумана Михельсона из универси-

¹ Имеется в виду так называемое дело «скотсборских парней» («Scottsboro boys»), когда в 1931–32 гг. группа молодых афроамериканцев была безосновательно осуждена по обвинению в изнасиловании белых женщин.

² Не лишен иронии тот факт, что в отзыве Богораза о диссертации Аверкиевой критика ведется с типично боасовских позиций [ПФ АРАН ф. 252, оп. 1, ед. хр. 153]. Согласно Крупнику, в 1960–70-х гг. Аверкиева держала в своей квартире (но не в своем кабинете на работе) фотографию Боаса и, как говорят, показывая на нее, говорила: «Какой он был замечательный человек! К несчастью, я должна была критиковать его всю мою жизнь» [Крупник n.d.: 10]. Конечно, перед тем как осуждать Аверкиеву, следует вспомнить, что она провела семь лет в ГУЛАГе с конца 1947 по начало 1950-х гг. и опубликовала теплый некролог Боаса в 1946 г. [Аверкиева 1946].

тета Джорджа Вашингтона. Богораз занимался со всеми из них и в особенности с Финни, официальным руководителем работы которого по фольклору не-персе он являлся [Willard n.d.; Голомшток Богоразу, ПФ АРАН ф. 250, оп. 4, ед. хр. 78; Гоник Богоразу, ПФ АРАН ф. 250, оп. 4, ед. хр. 80; Лоуи Богоразу, ПФ АРАН РАН ф. 250, оп. 4, ед. хр. 196]. Эти американцы смогли путешествовать по СССР, не проводя, однако, никаких этнографических или археологических полевых исследований. Единственным западным этнографом, которому удалось провести обширные полевые исследования в Советском Союзе, был немец Ханс Финдайзен, исследовавший кетов в 1927–1928 гг., когда политический климат был иным, а Германия и Россия находились в дружественных отношениях [Findeisen 1929]¹. Тем не менее в конце 1920-х — начале 1930-х гг. целый ряд американских антропологов и других специалистов по гуманитарным и общественным наукам, приезжавших в Ленинград, привозили рекомендательные письма от Боаса и других ученых (бывших его учеников) Богоразу. Со всей очевидностью можно утверждать, что последний был основным (если не единственным) человеком, с которым у них были личные контакты².

¹ Насколько мне известно, единственными американскими этнографами, которым удалось предпринять полевые исследования в Советском Союзе, были Альфред Е. Хадсон и Элизабет Бекон, аспирантка Э. Сэпира и К. Уисслера в Йельском университете. Однако их работа в 1934 г. в Средней Азии продолжалась всего несколько недель [Васон 1966].

² В то время как в 1930-х гг. стареющий Боас больше не занимался активно советско-американским научным сотрудничеством, скандинавы, в особенности К. Биркет-Смит, все еще планировали обширную международную программу приполярных исследований. Так, в письме Богоразу от 1934 г. он сообщал своему российскому коллеге, что на Первом Международном конгрессе антропологических и этнологических наук, проходившем в Лондоне в 1934 г., был сформирован комитет, состоявший из выдающихся ученых, имеющих международную репутацию, для устройства «международных исследований полярных племен Америки и Старого Света» [Биркет-Смит Богоразу, 5 мая 1936, ПФ АРАН]. Кроме самого Биркет-Смита в комитет входили Боас, Д. Дженнесс, В. Талбицер и некоторые другие ученые. Богораз, не присутствовавший на конгрессе, был избран представителем от СССР. К несчастью, к тому времени, когда письмо Биркет-Смита достигло Ленинграда, Богораз уже не было в живых. Его уход и в особенности все большая изоляция СССР сделали советское участие в этом проекте невозможным. Единственным успешным его результатом стала пятимесячная стипендия Александра Форштейна для работы у Талбицера и Биркет-Смита в Национальном музее в Копенгагене. Форштейн, любимый ученик Богоразы и специалист по языкам сибирских эскимосов, понял, что в 1936 г. советский ученый, возвратившийся после длительной деловой поездки на Запад, с большой долей вероятности будет арестован. Поэтому его желание работать с Боасом в течение «года или двух», выраженное в письме американскому другу его недавно умершего учителя, должно было мотивироваться не только научными интересами. В своем ответе Боас не предложил никакой конкретной помощи российскому ученому, ссылаясь на недостаток средств. Вынужденный вернуться в СССР, Форштейн действительно был арестован в конце 1936 или начале 1937 г. и провел десять лет в лагерях [Krupnik 1998: 213–214; Крупник, Михайлова 2006].

1930-е годы: дружба под угрозой

После своего длительного общения в Нью-Йорке в 1928 г. Боас и Богораз увиделись всего один раз — во время короткого визита в Берлин летом 1930 г. Оба они надеялись, что Богораз сможет посетить предстоящий в том же году Международный конгресс американистов в Германии, однако этого не произошло. Неудача в получении разрешения принять участие в конгрессе, несомненно, была связана с усиливающимся политическим давлением марксистов-ленинцев на Богоразу и его этнологическую школу. Боас, видимо, пославший запрос в Академию наук с просьбой позволить Богоразу посетить конгресс, понял, почему подобное разрешение не было дано; в письме своему другу от 1931 г. он писал: «Я действительно надеюсь, что ситуация в вашем учреждении может улучшиться по сравнению с нынешней. Я не думаю, что нужно уступить людям, не имеющим достаточного опыта» [APS Boas to Bogoraz, January 28, 1931].

Российский этнограф отлично понимал, почему ему не позволили посетить Берлинский конгресс, и был очень огорчен. Как он писал в письме Боасу, датированном 5 ноября 1930 г., «без Конгресса американистов я действительно не знаю, будет ли у меня возможность в будущем поехать за границу и увидеть Вас или еще кого-нибудь из моих американских и французских друзей» [APS]. Другое письмо, посланное им Боасу в ноябре 1930 г., свидетельствует о том, что Богораз оказался на перепутье: с одной стороны, он говорит о возможном вступлении в партию, а с другой — намекает на возможность своего отъезда из СССР навсегда [APS]. Кроме того, он извиняется за то, что вынужден использовать в письмах общие фразы; иными словами, он намекает на возможность того, что его переписка с иностранцами читается властями [ПФ АРАН Богораз Боасу, 16 ноября 1930]. Тем не менее следующее письмо Богоразу Боасу более четко описывает его текущие профессиональные (т.е. политические) проблемы. По его словам, «положение постепенно меняется. В целом я пребываю в периоде своего заката, так же как это случилось когда-то с Вами в Американском музее естественной истории. Мои молодые друзья стремятся все взять в свои руки. Конечно, качество работ во всех учреждениях, которые были основаны Штернбергом и мною, идет вниз. <...> Откровенно говоря, я должен сказать, что не думаю, что это будет продолжаться долго. Молодые друзья, о которых я пишу, являются слишком пылкими, и скоро они узнают [нрзб.]» [ПФ АРАН Богораз Боасу, 26 ноября 1930].

Письмо заканчивается предсказанием Богоразу о том, что в следующем году он, по-видимому, должен будет покинуть одно

или несколько учреждений, в которых пока еще работает. Несмотря на свой пессимизм, он все еще надеялся на продолжение зарубежных поездок. Так, в конце 1931 г. он написал Боасу о приглашении, которое недавно получил от канадского антрополога Д. Дженнесса, участвовать в следующем тихоокеанском конгрессе, который должен пройти в Канаде [APS Bogoraz to Boas, October 16, 1931]. Однако власть решила иначе — отныне Богоразу не разрешалось больше ездить за границу¹.

В 1930–1933 гг. советская этнография пережила коренную структурную реорганизацию. В 1930 г. было основано новое исследовательское учреждение под названием Институт по изучению народов СССР (ИПИН). Институт стал ведущей организацией, координировавшей этнографические исследования в стране. Основные задачи нового института включали критический разбор текущей этнографической литературы, исследование сохранившихся у народов СССР религиозных обрядов, а также изучение населения как «производительной силы». Наиболее ревностные марксисты составили «бригаду», которой была поручена критика «буржуазных влияний» в советской этнографии (среди них были и «народнические тенденции»)². В 1932 г. уже упоминавшаяся Всесоюзная конференция археологов и этнографов внесла дальнейшие коррективы в направление исследований нового института. Он должен был главным образом концентрироваться на некапиталистическом развитии «отсталых» народов СССР и «строительстве новой культуры», а также на «разоблачении антимарксистских и антиленинских тенденций в дореволюционной российской и современной западной этнологии» [Соловей 1998: 196–197].

Начиная с 1932 г. «идеалистические» взгляды Штернберга, Богораз и их последователей подвергались довольно жесткой критике. В 1933 г. ИПИН был соединен с Музеем антропологии и этнографии и стал называться Институтом антропологии и этнографии Академии наук СССР. Вдобавок к уже упоминавшимся исследовательским задачам институт должен был проводить исследования докапиталистических социально-экономических формаций, а также проблем первобытного коммунизма и путей преодоления докапиталистических и капиталистических пережитков в культуре и социальной организации некоторых народов Советского Союза. Назначен-

¹ Тем не менее даже осенью 1933 г. Богораз все еще надеялся на заграничную поездку — на этот раз в Испанию на Международный конгресс американистов 1934 г.

² В 1930-х гг. народничество подвергается все большей критике не только в качестве философской или социологической школы, но и как политическое движение. В 1935 г. было закрыто Общество бывших политкаторжан, в котором ведущую роль играли народники и в деятельности которого принимали активное участие Богораз и Штернберг.

ный главой этого нового института Маторин ревностно приступил к выполнению задач, поставленных перед ним партией и правительством. Как отмечает Соловей [Там же: 219], в результате этой реорганизации сфера применения этнографии в СССР оказалось значительно суженной. Более того, к началу 1930-х гг. взгляды Маркса и Энгельса на докапиталистические общества, основанные в значительной степени на эволюционистской теории Моргана, стали догмой, господствовавшей в советской антропологии на протяжении десятилетий.

Из-за все более удушливой атмосферы, царившей в Институте антропологии, а также в силу закрытия этнографического отделения университета Богораз был вынужден сосредоточиться на других своих обязанностях — на работе в Музее истории религии и атеизма, который он возглавлял, а также в Институте народов Севера, где обучались студенты из числа малых народностей Сибири. Много времени занимала у него и работа над лингвистическими материалами, включавшая создание алфавитов и составление текстов на местных сибирских языках. В письмах 1932–1933 гг. Богораз жаловался Боасу, что у него слишком много работы, что он устал и получает слишком мало денег.

В то же время он пытался изо всех сил не отставать от меняющихся идеологических тенденций в советской антропологии, которую он называл «наш постоянно бурлящий котел» [APS Bogoraz to Boas, March 9, 1933]. Как я уже упоминал, его попытки пересмотреть свои собственные этнографические изыскания по чукчам и азиатским эскимосам в свете марксизма были не очень удачными как с точки зрения новых идеологов, так и с его собственной. Говоря о своей статье 1931 г. «Классовое расслоение у чукчей-оленьеводов», он писал Боасу: «Я работал над своей статьей о чукчах в течение последних двух лет и все еще не могу сказать, что она мне нравится» [APS Bogoraz to Boas, August 12, 1932].

Тем не менее Богораз был полон решимости поддерживать интеллектуальные связи с Боасом и по-прежнему продвигать антропологию боасовской школы в СССР. Так, он убеждал Алькора (Кошкина), своего бывшего студента, ставшего директором Института народов Севера, опубликовать русский перевод основополагающего введения Боаса к «Справочнику по языкам американских индейцев» (*Handbook of American Indian Languages*) [APS Koshkin to Boas, January 20, 1933]¹. Как я уже упоминал, ему удалось устроить публикацию статьи Боаса «The Aims of Anthropological Research» в «Советской этно-

¹ Боас согласился с предложением Кошкина, однако пожелал обновить статью 1911 г. Однако он так и не завершил этот проект, и поэтому русская версия статьи осталась неопубликованной [APS Boas to Koshkin, February 10, 1933].

графии» [Боас 1933]¹. Он писал Боасу 9 марта 1933 г.: «Я очень внимательно прочтал ваш доклад, сделанный на пленарном заседании AAAS 1932 г.², перевел его на русский и хочу опубликовать в журнале *Sovietic Ethnographia* (sic!) с некоторыми комментариями. Существуют очень интересные совпадения между вашими идеями и теми, которые развивают сейчас здесь на основе старого этнографического материала и новых идей, более или менее марксистских» [APS].

Читая критические замечания Богораза к статье Боаса 1932 г., трудно понять, в чем заключались эти «совпадения». Быть может, он просто хотел сделать приятное Боасу, поскольку знал, что тому не очень понравятся его комментарии. Боас, несомненно, знал содержание предисловия к советской публикации своей статьи. В 1930-х гг. один из его зятьев, родившийся и получивший образование в России, перевел для Боаса эту советскую публикацию. Был ли Боас обижен или по крайней мере раздосадован критикой Богораза? Думаю, что был, хотя он никогда не говорил об этом в немногих написанных после этого события письмах своему российскому другу. В этом могла заключаться одна из причин того, почему после 1931 г. их переписка стала крайне нерегулярной. Так, Боас послал Богоразу всего пару писем в 1932 г. и одно в 1933 г., после чего замолчал до начала 1936 г., когда написал Богоразу довольно официальное деловое письмо, посвященное исключительно каким-то археологическим материалам, которые он получил для Музея антропологии и этнографии в Мексике перед мексиканской революцией [APS Boas to Bogoraz, January 27, 1936]. В то же время Боас, вероятно, понимал, почему Богораз должен был пойти на подобный компромисс. Так, несколько высказываний Боаса по поводу советской антропологии, содержавшихся в его переписке с западными коллегами середины и конца 1930-х гг., не оставляют сомнений, что он не одобрял того, что она стала такой догматически морганистской и марксистской наукой [APS Boas to Rautenstrauch, February 21, 1939]³. Не нравилась ему и советская политика 1930-х гг., хотя он по-прежнему симпатизировал идеалам советского социализма и рассматривал нацизм как гораздо большую угрозу для человечества⁴.

¹ Двумя годами позже благодаря усилиям Богораза в том же журнале была опубликована другая статья Боаса — «Колдовство у индейцев квакиутль» [Боас 1935].

² American Association for the Advancement of Science — Американская Ассоциация содействия развитию науки.

³ Как писал Боас профессору Колумбийского университета В. Раушенбаху в 1939 г., «советской этнологии разрешается ныне быть только марксистской и морганистской» [Stocking 1992: 109].

⁴ Тем не менее, как свидетельствуют его письма Аверкиевой (см. выше) и Богоразу, он видел сходство между жестоким подавлением несогласия, практиковавшимся Гитлером и Сталиным [Боас Богоразу, 16 июля 1933, ПФ АРАН ф. 252, оп. 4, ед. хр. 35, л. 72].

Эпилог

В данной статье я описал то, как в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Богораз изо всех сил пытался сохранить тесные связи с Боасом и — шире — между советской и американской этнологическими школами¹. По мере того как советская этнология становилась все более политизированной и догматической, цена, которую ему приходилось платить за сохранение этих связей, становилась все более высокой. Вполне соглашаясь с характеристикой, данной Крупником [1998: 208] богоразовским комментарием к «Задачам антропологического исследования» как «удивительно высокомерным и политически мотивированным», я надеюсь, что читатель поймет, почему Богораз считал необходимым прибегнуть к жесткой новой советской терминологии, характеризуя взгляды своего друга².

Нам остается только гадать относительно того, как сам Богораз расценивал свое поведение в последние годы жизни. Между тем мы обладаем некоторыми свидетельствами того, что как и многие другие представители советской интеллигенции, он научился «двоеречию» (doublespeak): публично заявляя о своей приверженности режиму и согласии со взглядами и поступками своих коллег-марксистов, в частных разговорах он проводил параллели между коммунизмом и фашизмом [Тишков 1993]. С учетом все более удушливой атмосферы в стране в середине 1930-х гг. и арестов целого ряда его родственников, учеников и коллег трудно представить себе, чтобы Богораз оставался оптимистом. Он не вступил в партию, однако мы не знаем, являлось это его собственным решением или он не был принят. Тем не менее он все еще пытался реинтерпретировать свои старые этнографические материалы, используя марксистско-морганистскую теорию [Богораз 1934; 1936]. Во введении к русскому переводу первой части своей монографии о чукчах он писал: «Я в то время больше приближался к Францу Боасу, который до сих пор во всех этнографических и социологических вопросах занимает такое же преувеличенно осторожное, скептическое положение [что и я в ту эпоху]. <...> В настоящее время я от этого скептицизма отошел и усвоил, хотя и с некоторой медленностью, основы марксистского мышления, которое старюсь применять в моих работах последних пяти лет» [Богораз 1934: XV].

¹ Согласно Крупнику [Крупник 1998: 208], благодаря усилиям Богораз в 1930-х гг. некоторые американские музеи продолжали обмен этнографическими экспонатами с МАЭ.

² Конечно, можно сказать, что Богораз мог вообще не публиковать перевод этой статьи Боаса, если ценой публикации было написание такого критического предисловия.

Можно сказать, что в отличие от многих советских этнографов Богоразу повезло — он избежал ареста и умер в своей собственной постели (или, если быть точным, в поезде, ехавшем из Ленинграда в Ростов-на-Дону, где его брат, видный хирург, должен был оперировать его засоренные артерии). Его репутация в советской этнологии в качестве ведущего специалиста по культурам и языкам сибирских аборигенов оставалась высокой. В то же время даже в юбилейной статье, написанной по случаю его 70-летия учеником и коллегой Алькором, он был охарактеризован как представитель русской народнической школы «субъективной социологии», всегда остававшийся эклектиком, не понявшим феномен социально-экономических формаций и находившимся под сильным влиянием американской школы исторической и антиэволюционистской этнологии, основанной Боасом [Алькор 1935: 9; Зеленин 1937]. Эта смешанная оценка научного наследия Богоразы прозвучала и в некоторых речах, произнесенных коллегами на его пышных государственных похоронах в Ленинграде в мае 1936 г., а также в нескольких советских некрологах [Советская этнография 1936: 3–4]¹.

Сталинские репрессии 1930–1940-х гг. не пощадили ни учеников Богоразы, ни его критиков-марксистов. На самом деле некоторые из этих критиков получили даже более жестокое наказание: Маторин был расстрелян в 1936 г., Аптекарь — в 1937 г., Алькор — в 1938 г.

Боас узнал о смерти народника-ветерана из телеграммы, посланной ему одним из учеников Богоразы. В некрологе, не лишённом, впрочем, мягкой критики, он воздал должное своему старому другу:

Его работа о чукчах <...> является доказательством глубокого понимания народа, среди которого он был вынужден жить. Четкость его описания есть не только результат его научного таланта, но в не меньшей степени его художественного дара. Его работа как романиста <...> характеризуется той же самой замечательной силой наблюдения и психологического анализа <...>

В течение последних лет жизни его интересы были сосредоточены на том, что он любил называть большими обобщениями в этнологии; в них он любил давать полную волю своему воображению, которую не мог себе позволить в узких рамках точного изложения и внимательного анализа увиденных фактов. Я думаю, что

¹ По его собственной просьбе тело Богоразы было помещено в гроб, обернутый в красное — это должно было указывать на его былую революционную деятельность. А похоронен он был на Волковом кладбище рядом с могилами видных революционеров добольшевистской эпохи — Г. Плеханова и В. Засулич.

когда он занимался этими проблемами, в нем говорил художник, а не ученый. Он был полон этими идеями, когда мы видели его здесь в последний раз в качестве делегата Академии наук на Конгрессе американистов в Нью-Йорке в 1928 г. Те, кто знали его лично, не могли не восхищаться его знаниями и энергией; те, кто, как автор этих строк, были с ним близок, ценили его верную дружбу и теперь остро чувствуют утрату, которую они понесли с его смертью [Boas 1937].

Сокращения

ПФ АРАН	— Петербургский филиал архива РАН
СЭ	— Советская этнография
ЭО	— Этнографическое обозрение
APS	— American Philosophical Society
AMNH	— American Museum of Natural History

Библиография

- Аверкиева Ю.* Современная американская этнография // СЭ. 1932. № 2. С. 97–102.
- Аверкиева Ю.* Рабство у племен северо-западного побережья Северной Америки // СЭ. № 4–5. 1935. С. 40–61.
- Аверкиева Ю.* Рабство у индейцев Северной Америки. М., 1941
- Аверкиева Ю.* Франц Боас (1858–1946) // Краткие сообщения Института этнографии. 1946. № 1. С. 101–111.
- Алькор (Кошкин) Я. В. Г.* Богораз-Тан // СЭ. 1935. № 4–5. С. 5–31.
- Аноним. От редакции // СЭ. 1933. № 3–4. С. 176.
- Боас Ф.* Задачи антропологического исследования // СЭ. 1933. № 3–4. С. 178–189.
- Боас Ф.* Колдовство у индейцев квакиутль // СЭ. 1935. № 4–5. С. 32–39.
- Богораз В.* Эйнштейн и религия. Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. М., 1923.
- [*Богораз 1924*] Новый и старый быт / Под ред. В. Г. Богораза. М., 1924.
- [*Богораз 1925*] Революция в деревне / Под ред. В. Г. Богораза. М., 1925.
- [*Богораз 1926*] Еврейское местечко / Под ред. В. Г. Богораза. М., 1926.
- Богораз В.* XXI Конгресс американистов // Этнография. 1926. № I (1–2). С. 125–131.
- Богораз В.* Распространение культуры на земле. Основы этногеографии. М., 1928.
- Богораз В.* Международное совещание по плану устройства экспедиции в полярной зоне // Этнография. 1929. № 1. С. 103–107.
- Богораз В.* К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений // Этнография. 1930. № 1–2. С. 3–56.

- Богораз В.* Классовое расслоение у чукчей-оленьеводов // СЭ. 1931. № 1–2. С. 93–116.
- Богораз В.* Замечания к статье Франца Боаса // СЭ. 1933. № 3–4. С. 189–193.
- Богораз В.* Чукчи. Л., 1934.
- Богораз В.* Социальный строй американских эскимосов // Вопросы истории доклассового общества. Труды института этнографии. 1936. IV. С. 195–256.
- Тан-Богораз В.Г.* // Деятели СССР и революционного движения России. М., 1989 [1927]. С. 436–449.
- Вахтин Н.Б.* Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб., 1993.
- Вахтин Н.Б.* «Наука и жизнь»: судьба Владимира Иохельсона (по материалам его переписки 1897–1934 гг.) // Бюллетень: Антропология, Меньшинства, Мультикультурализм (Bulletin: Anthropology, Minorities, Multiculturalism). 2004. № 5. С. 35–49.
- Гаген-Торн Н.* Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы // СЭ. 1971. № 2 С. 134–145.
- Есаков В.Д.* Академия Наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б), 1922–1952. М., 2000.
- Зеленин Д.К.* В.Г. Богораз — этнограф и фольклорист // Памяти В.Г. Богоразы / Под ред. И.И. Мешанинова. М., 1937. С. V–XVIII.
- Крупник И., Михайлова Е.* Пейзажи, лица и истории: эскимосские фотографии Александра Форштейна (1927–1929 гг.) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 188–219.
- Маторин Н.* Современный этап и задачи советской этнографии // СЭ. 1931. № 1–2. С. 3–48.
- Михайлова Е.А.* Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Под ред. В. Тишкова и Д. Тумаркина. М., 2004. С. 195–236.
- Нитобург Е.Л.* Ю.П. Аверкиева: ученый и человек // Репрессированные этнографы / Под ред. Д. Тумаркина. М., 2003. Т. 2. С. 399–428.
- Отчет о деятельности Академии наук СССР, 1930–1932. М., 1932.
- Ратнер-Штернберг С.А.* Л.А. Штернберг и ленинградская этнографическая школа, 1904–1927 // СЭ. 1935. № 2. С. 134–154.
- Решетов А.М.* Николай Михайлович Маторин // ЭО. 1994. № 3. С. 132–154.
- Решетов А.М.* «Трагедия личности»: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы / Под ред. Д. Тумаркина. М., 2003. Т. 2. С. 147–192.
- Совещание этнографов Ленинграда и Москвы (5/IV–11/IV, 1929) // СЭ. 1929. № 2. С. 111–144.
- Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. М., 1998.

- Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии // ЭО. 2001. № 3. С. 101–121.
- [Покровский] Судебный процесс над социалистами-революционерами: Сборник документов / Под ред. Н.Н. Покровского М., 2002.
- Станюкович Т.В. Из истории этнографического образования // Труды института этнографии. 1971. № 95. С. 121–138.
- Averkiewa Iu.P., Sherman M.A. Kwakiutl String Figures. Seattle, 1992.
- Bacon E.E. Central Asians under Russian Rule. Ithaca, New York, 1966.
- Boas F. Waldemar Bogoras // American Anthropologist. 1937. 39. P. 314–315.
- Bogoraz V. Chukchee // Memoirs of the American Museum of Natural History 11. Jesup North Pacific Expedition. 7. 1904–1909. Pt. 1–3.
- Bogoraz V. Religious Ideas of Primitive Man, from Chukchee Material // 14th Internationaler Amerikanisten-Kongress. Stuttgart, 1906. P. 129–135.
- Bogoraz V. Chukchee Mythology // Memoirs of the American Museum of Natural History 12. Jesup North Pacific Expedition. 8. 1910. P. 1–197.
- Bogoraz V. Koryak Texts // American Ethnological Society Publications V. Leiden; New York, 1917.
- Bogoraz V. Tales of Yukaghir, Lamut, and Russianized Natives of Eastern Siberia // American Museum of Natural History Anthropological Papers. 1918. 29 (1). P. 3–148.
- Bogoraz V. Chukchee // Handbook of North American Indian Languages. Washington, 1922. Pt. 2. P. 633–898.
- Bogoraz V. New Problems of Ethnographical Research in Polar Countries // 21st International Congress of Americanists. The Hague, 1924. Pt. 1. P. 226–246.
- Bogoraz V. Ideas of Space and Time in the Conception of Primitive Religion // American Anthropologist. 1925. 27 (2). P. 205–266.
- Bogoraz V. Early Migrations of the Eskimo Between Asia and America // 21st International Congress of Americanists. Göteborg, 1925. Pt. 2. P. 216–235.
- Bogoraz V. Paleoasiatic Tribes of South Siberia // 22nd Congresso Internazionale degli Americanisti. Rome, 1928. Vol. 1. P. 249–272.
- Bogoraz V. Le Mythe de l'Animal-Dieux Mourant et Ressusciant // 22nd Congresso Internazionale degli Americanisti. Rome, 1928. Vol. II. P. 235–252.
- Bogoraz V. Elements of Culture of the Circumpolar Zone // American Anthropologist. 1929. 31 (4). P. 579–601.
- Bogoraz V. New Data on the Types and Distribution of Reindeer Breeding in Northern Eurasia // Proceedings of the 23rd International Congress of Americanists. New York, 1930. P. 403–410.
- Bogoraz V. The Shamanistic Call and the Period of Initiation in Northern Asia and North America // Proceedings of the 23rd International Congress of Americanists. New York, 1930. P. 441–444.

- Bogoras V., Leonov N.J.* Cultural Work among the Lesser Nationalities of the North of the USSR // Proceedings of the 23rd International Congress of Americanists. New York, 1930. P. 445–450.
- Cole D.* The Greatest Thing Undertaken by Any Museum? Franz Boas, Moris Jesup, and the North Pacific Expedition // Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902. Contributions to Circumpolar Anthropology 1 / Ed. by William K. Fitzhugh and Igor Krupnik. Arctic Studies Center, Smithsonian Institution, 2001. P. 29–70.
- Findeisen H.* Reisebericht aus Siberien // Zeitschrift fur Ethnologie. 1929. Vol. 59. S. 383.
- Hardeman H.* Coming to Terms with the Soviet Regime. DeKalb, 1994.
- Kan S.* The Mystery of the Missing Monograph: or Why Shternberg's «The Social Organization of the Gilyak» Never Appeared Among the Jesup Expedition Publications // European Review of Native American Studies. 2000. 14 (2). P. 19–38.
- Kan S.* The «Russian Bastian» and Boas: or Why Shternberg's «The Social Organization of the Gilyak» Never Appeared Among the Jesup Expedition Publications // Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902. Contributions to Circumpolar Anthropology 1 / Ed. by William K. Fitzhugh and Igor Krupnik. Arctic Studies Center, Smithsonian Institution, 2001. P. 217–248.
- Konecny P.* Builders and Deserters: Students, State, and Community in Leningrad, 1917–1941. Montreal, 1999.
- Krupnik I.* The Bogoras Enigma: Bounds of Culture and Formats of Anthropologists // Grasping the Changing World. Anthropological Concepts in the Postmodern Era / Ed. by V. Hubinger. London, 1996. P. 35–52.
- Krupnik I.* Jesup Genealogy: Intellectual Partnership and Russian-American Cooperation in Arctic/North Pacific Anthropology. Part I // Arctic Anthropology. 1998. 35 (2). P. 199–226.
- Krupnik I.* «Unrequited Affection»: Boas and Russian (Soviet) Anthropology, 1925–1980. Unpublished paper presented at the 2001 Annual Meeting of the American Anthropological Association, n.d.
- Krupnik I., Vakhtin N.* «The Aim of the Expedition ...Has in the Main Been Accomplished»: Words, Deeds, and Legacies of the Jesup North Pacific Expedition // Constructing Cultures Then and Now: Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition. Contributions to Circumpolar Anthropology. 4 / Ed. by Laurel Kendall and Igor Krupnik. Arctic Studies Center, Smithsonian Institution, 2003. P. 15–31.
- Mead M.* An Anthropologist at Work: Writings of Ruth Benedict. Boston, 1959.
- Reshetov A.M.* Matorin // International Dictionary of Anthropologists / Ed. by Christopher Winters. New York, 1991. P. 460.
- Slezkine Y.* The Fall of Soviet Ethnography, 1928–1938 // Current Anthropology. 1991. 32 (4). P. 476–484.

- Slezkine Y.* From Savages to Citizens: The Cultural Revolution in the Soviet Far North, 1928–1938 // *Slavic Review*. 1992. Vol. 51 (1). P. 52–76.
- Slezkine Y.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, New York, 1994.
- Stocking G.W., Jr.* The Ethnographer's Magic and Other Essays in the History of Anthropology. Madison, Wisconsin, 1992.
- Vakhtin N.* Franz Boas and the Shaping of the Jesup North Pacific Expedition, 1895–1900 // Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902. Contributions to Circumpolar Anthropology 1 / Ed. by William K. Fitzhugh and Igor Krupnik. Arctic Studies Center, Smithsonian Institution, 2001. P. 71–89.
- Willard W.* Archie Phinney: Nez Perce Anthropologist. Unpublished paper presented at the 2001 Annual Meeting of the American Anthropological Association, n.d.

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума